

Виталий Новиков

*До конца
света и после*

Роман

Виталий Новиков

До конца света и после. Роман

«Издательские решения»

Новиков В.

До конца света и после. Роман / В. Новиков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749189-5

Эпоха правления Ивана Третьего. Великий князь московский Иван Васильевич собирает русские земли, присоединяя их к своему княжеству. Он привлекает в Москву иностранных специалистов, строит Кремль и общается с московскими умниками, с которыми хочет расправиться Церковь.

ISBN 978-5-44-749189-5

© Новиков В.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая. До	6
Маска	6
Князь Брюхатый	8
Фёдор Басёнок	11
Иван и Марья	13
Казань. Быть войне	17
Иван Фрязин	20
Послы Феофила	26
Человек-государство	31
Письмо Марфы	33
Шелонь	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

До конца света и после
Роман
Виталий Новиков

© Виталий Новиков, 2016

ISBN 978-5-4474-9189-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. До

Маска

Москва. Кремль. 28 марта 1462 года.

Князь Иван шёл по узкому коридору деревянного дворца. Он держал в руке горящую свечу. Впереди него шли два воина-телохранителя, вооружённые мечами. Сзади шли ровесники князя его друзья Иван Ощера и Семён Ряполовский. За ними следовали тринадцать бояр в своих тяжёлых одеждах без головных уборов. У всех в руках были горящие свечи.

Впереди справа открылась дверь, и в коридор вошёл человек с толстой жёлтой горячей свечой в руке. Он быстро двинулся навстречу процессии. На поясе его болтался меч. Он был богато одет в платье зелёного цвета с красным поясом и длинный красный плащ. Он был невысок, быстр в движениях, у него были тонкие черты лица и несколько морщин, ему было уже за сорок. Это был Фёдор Басёнок.

– Князь, вот. – Басёнок протянул Ивану лист бумаги.

Процессия стала. Иван прочитал написанное его отцом завещание. Великий князь московский Василий Васильевич оставлял свою супругу и детей своих в опеку польскому королю Казимиру. Странно, отец ничего не говорил ему про Казимира. Ивану доставалась Москва, братьям его в уделы города московского княжества.

Все будто ждали реакции Ивана на прочитанное, но князь никак не проявил эмоций, скрутил лист бумаги в трубочку и протянул Ощере.

– Подержи пока при себе.

Князь со своей свитой вошёл в просторную залу. В четырёх местах залы стояли деревянные столбы украшенные резьбой, подпирающие балки. В центре залы на столе лежало тело умершего великого московского князя Василия. Вокруг стола стояли бояре, слуги князя и сыновья. У изголовья стола церковный служка в рясе молодой парень держал икону с ликом спасителя. Священник в золотых одеждах читал молитву по книге, лежавшей на подставке.

Князь Иван подошёл к телу к правой его стороне, стал на одно колено, взял иссохшую жёлтую кисть отца и поцеловал её, после чего встал.

По другую сторону стола стояли в ряд его братья, слева направо по старшинству от старшего к младшему. Первый Юрий – среднего роста в синем платье с тёмно-синим атласным поясом и красном плаще. У него были правильные черта лица редкая борода и усы, серые добрые глаза. Он был серьёзен и кажется общителен; но Иван не доверял ему. Ему казалось, что Юрий тщательно обдумывает свои мысли прежде, чем превратить их в слова. Он был уверен, что Юрий честолюбив и тщеславен, но в меру без крайностей. Юрий родился, как и Иван 22 января ровно год спустя после рождения Ивана в 1441 году; в этот же день родился их прапрадед Иван Красный. Слева от Юрия стоял Андрей Большой. Он пристально смотрел на отца. Он был в голубом платье расшитом золотыми и серебряными нитями и золотом поясе, на котором болтался меч. Он единственный из братьев пришёл с оружием к отцу. На плечах его небрежно висел бордовый плащ. У него были тёмно-зелёные глаза, пронизывающие насквозь и красивые черты лица. Он был румян и русоволос. Следующий – Борис: юноша, но очень живой, которому трудно было стоять долго на одном месте. Борис был болтлив и суетлив. Иван не доверял ему, считал его в душе хитрым и себе на уме. Борис был в зелёном платье расшитом цветными нитями с красным поясом. У него были чувственные губы и нос немного с горбинкой, чем он отличался от других братьев имевших общие схожие черты. Четвёртый брат – Андрей Меньшой. Он отличался

от братьев большой головой и конопушками на лице. У него были грустные карие глаза. Его Иван любил. Андрей любил сказки, которые ему рассказывала мать и бабки-рассказчицы. Он любил наблюдать за птицами и возиться с котами и кошками. В его части дворца жили три кота, без которых он не мог заснуть. На Андрее было тёмно-красное платье с жёлтым поясом. По его щеке катилась слеза.

Иван быстро посмотрел на изуродованное серое лицо отца и быстро отвёл взгляд в сторону, перекрестился. Он был высок, длинные волнистые волосы падали ему на плечи. У него были серо-синие умные глаза, немного узкое лицо с приятными чертами. На нём было красное атласное платье с золотым поясом, на поясе висел меч; и тёмно-синий плотный плащ-накидка с соболиным воротником.

Иван ещё раз посмотрел на братьев, постоял ещё совсем немного и пошёл из залы. С ним вышла его свита.

Наверно нужно было подойти к братьям, что-то им сказать; но он не знал что. Он понимал, что теперь они не только братья, но и соперники в борьбе за престол Москвы – самого сильного государства в северо-восточной Руси. Власть в русских странах переходит после смерти правителя не обязательно к старшему его сыну, но бывает и так, что власть достаётся следующему по старшинству брату. Определённого утвердившегося порядка наследия власти на Руси ещё не сложилось.

Иван вышел в коридор, где его догнал слуга отца Никодим молодой худой чернявый парень в сером кафтане.

– Князь, что с этим делать? – Никодим протянул Ивану маску.

Иван стал, взял маску. Эту маску сделали по заказу его отца, после того, как он был ослеплён и изуродован. Маска не совсем повторяла форму лица великого князя, была более квадратной с золотистой бородой, усами и ровными дугами бровями. Маска со временем пожелтела, потом посерела стала тёмной. Из-за этой темноты и прозвали великого князя Тёмным, Василием Тёмным. На всех приёмах и заседаниях боярской думы он ходил в этой маске. С этой маской выходил в город, на богослужение в церковь.

Иван смотрел на маску. Местами она покрылась трещинками, как это бывает с деревом от времени и сухости. Маска ему напомнила о страданиях и злоключениях отца. Его неудачи в военных делах, потеря власти, изгнание и снова возвращение. Феодалная война между князьями московского дома на радость всем соседям. Кто-то наверняка думал, что это конец Москве, но оказалось, нет, цела ещё Москва, цела и сильна. Иван вспомнил время изгнаний и бегства, плен отца. Отца ослеплял конюх, ослеплял ножом. Трудно было найти желающего сделать эту страшную казнь. У конюха тряслись руки от страха и он нанёс несколько шрамов на лицо прежде чем сделал то, что от него требовалось. Много зла претерпел великий князь Василий Тёмный и сам сеял зло щедро. Он сам первым ослепил двоюродного брата Василия Косого. 10 марта ему бы исполнилось сорок семь лет. Но здоровье было подорвано страданиями и вредными мыслями, не давала покоя совесть. Трудно сказать, что за болезнь поразила князя. Может быть, это был рак. Народ его не любил и как память об этом в хрониках летописец оставил краткую запись в летописи: «Иуда, душегубец, твой рок пришёл».

Отец умер, теперь Иван – великий князь. Радоваться бы. Но в руках маска отца – страшное напоминание того, какова бывает цена власти.

– Убери куда-нибудь, – сказал Иван. – Нет. Лучше сожги.

Князь Брюхатый

Великий князь в сопровождении двух телохранителей дворян вооружённых мечами вошёл в казённый приказ, большую избу с одной большой залой, где за столами сидели дьяки¹ и двумя малыми комнатами, где хранились бумаги, книги и печати. Приказ находился на территории Кремля.

Дьяки, увидев государя, встали.

Иван подошёл к дьяку, стол которого находился у окна.

– Здрав буде, Алексей, – обратился князь к дьяку.

– И тебя доброго здравия, великий княже, – ответил дьяк.

– Садись.

Охранники принесли князю стул. Князь сел напротив дьяка.

Дьяк Алексей Полуэктов был маленького роста в сером недорогом платье перепоясанном синим поясом. У него были большие серые глаза и редкая соломенная бородка. Движение были медленные, выверенные. На столе перед ними лежали письма и большая книга, в которой вёлся учёт податей с городов, находящихся под властью Москвы.

– Какие новости? – спросил князь.

– Наместник муромский пишет, что не успеваает собрать подати к сроку.

– Вор.

– Может быть написать приказ о его вызове в Москву, а взамен его послать другого боярина или служилого человека?

Князь, недолго подумав, решил:

– Нет. Пока не надо. Напиши ему, что даём ему ещё месяц на сбор податей. Всё равно взамен послать некого.

– Сейчас же исполню.

– Погоди. Я пришёл обсудить с тобой замысел твой по поводу ярославских князей.

– Решились.

– Нужно попробовать. Расскажи свой замысел яснее.

– Что ж тут всё просто. Мы пошлём посла к Александру. Посол предложит ему за Ярославль двести рублей.

– А, если тот не согласится? Война?

– Зачем? Выдвинем требование, какие он никак не сможет выполнить. Дань за все русские земли татарам платит московский князь лет пятнадцать точно. Вот пусть восполнит Александр, сколько задолжал за эти и предыдущие годы.

– А как же подсчитать, сколько он должен? Дань то платили не чётко, когда платили, когда нет. Последние годы бог миловал от татарской напасти.

– Назовём сумму и всё. Главное, чтобы сумма была неподъёмной для Александра.

– Сколько? Пятьсот рублей?

– Тысячу.

– А вдруг выкрутится? Найдёт деньги.

– Что ж такие деньги для нашей казны не помешают; но я думаю, у него нет таких денег, и в долг ему никто не даст.

В Ярославль пришло лето 1463 года. У берега Волги на пристани жались друг к другу простые суда, рыбацкие лодки и толстые купеческие струги с парусами. День был жаркий. У окраины города, где кончался посад паслись коровы и козы. В открытые ворота города

---

¹ Дьяк – чиновник.

въехал небольшой отряд вооружённых всадников. Впереди ехал богато одетый боярин Иван Стрига-Оболенский.

На главной городской площади было малоллюдно. Женщина несла на коромысле вёдра. Проехала телега с зерном в мешках. Сновал туда-сюда, не торопясь, простой городской люд.

С одной из сторон площади находился небольшой княжий двор с теремом. Ворота двора открылись и из них вышел сам князь Ярославля Александр Фёдорович прозванный в народе Брюхатым, другие князья ярославского дома и бояре. Александр был полон, краснолиц, что говорило о любви к хмелю и медовухе. Выглядел он на пятьдесят лет, а то и больше.

Князь и свита прошли в церковь, находящуюся на этой же площади. В церкви были выставлены три небольших ящика с останками первых князей Ярославля Фёдора Ростиславича Чёрного основоположника династии последних ярославских князей и его двух сыновей. Месяц назад по Ярославлю прошла весть, что останки этих князей сохранились нетленными, будто бы несколько человек, прикоснувшись к этим останкам, исцелились от тяжёлых недугов. Служители церкви причислили Фёдора Чёрного к лику святых.

Священник вышел навстречу князю и перекрестил его.

– Помолись, батюшка, за крепость нашего дома, – попросил Александр.

– Молюсь за это денно и ночью, – сказал священник.

Один из князей прикоснулся к ящику с останками Фёдора Чёрного:

– И правда от мощей исходит какая то сила.

Если себе внушить что-либо, это может сбыться, это можно будет почувствовать. Фёдор Чёрный жил в разгар монгольского ига и вроде бы не проявил себя какими то благими делами. Во всяком случае в источниках ни о каких подвигах или просто добрых делах Фёдора не сообщается. Фёдор вёл политику дружбы с татарами. Он женил своих сыновей на татарских княжнах. Впрочем, большинство князей и бояр Ярославля понимали, что причисление князя Фёдора к лику святых это ответный ход на требования Москвы отказа Александра от своего княжества. Пусть в Москве поймут, что Ярославль имеет право на самостоятельность. Его князья были святыми и являются заступниками города. В Москве только посмеялись над письмом, в котором сообщалось об исцеляющих мощах ярославских князей. Александр никак не отреагировал на требование Москвы.

В церковь вбежал слуга князя Александр.

– Княже!

– Что?! Что случилось?!

– Стрига-Оболенский в городе.

– И что?

– Он отписывает дома бояр в пользу московской казны.

Через час зазвонил с главной городской колокольни колокол. Ещё через час на площади столпился народ. Народ гудел. Что за дела? Москвичи нагло отписывают, отбирают имущество граждан Ярославля, по сути другого государства. Это война? Отбирали дома у бояр и знатных людей, а не у простого люда. Поэтому простые ярославцы были в замешательстве. Вроде бы это нападение на родину, с другой стороны их не трогают и за интересы богачей и вельмож воевать не очень хочется. Какая разница быть самостоятельным государством или под властью Москвы.

– Слово князю! – кричали в толпе.

Александр стоял в окружении своей свиты перед церковью. Он мог объявить о войне, и Стрига-Оболенский был бы захвачен быстро в плен со своим небольшим отрядом. Стрига-Оболенский храбрый бывалый полководец и рубака. Чтобы с таким сдюжить, надо постараться.

– Я буду искать мира с Москвой! – выкрикнул своё решение князь Александр.

– Добро! – кричала толпа.

– Война! – раздавались отдельные голоса. – Постоим за сою отчизну! Голов не пожалеем своих за родину!

Толпа расступалась, пропуская всадников. Это Иван Стрига-Оболенский продвигался к князю Александру.

– Вот. Это тебе, князь. – Стрига-Оболенский, не слезая с коня, вручил грамоту Александру. – Здесь предписано тебе немедленно в моём сопровождении отправляться во Владимир.

Александр дрожащими руками принял грамоту.

– А это грамота остальным князьям ярославским. – Стрига-Оболенский достал из-за пояса другую грамоту с печатью. – Тут предписано, кому в какой город следует отправиться.

Эту грамоту из рук московского боярина принял боярин Александра – главный его советник.

Всего было тридцать ярославских князей. У них были маленькие уделы. У одного князя и вовсе был не то город, не то деревня в восемнадцать дворов. Эти уделы и так уже были изрядно пощипаны со стороны разрастающегося, крепнущего московского княжества.

– Князь, изволь исполнить волю московского государя великого князя Иоанна Васильевича, – сказал Стрига-Оболенский.

– За что отбирает имущество бояр моих?

– За невыполнение требований князя Иоанна.

Никто не восстал против москвичей.

Князь Александр с сыном и семьёй с несколькими боярскими семьями отправился в путь во Владимир.

В дороге Александр обратился к Стриге-Оболенскому:

– Иван обещал мне двести рублей.

– Всё получишь во Владимире.

Прибыли во Владимир. Семья Александра в сопровождении москвичей въехала во двор дома, где теперь предстояло им жить.

– Пройдём, князь, в дом, – пригласил Стрига-Оболенский.

Александр один без своих ближних прошёл в дом, в горницу. Он сел за стол. Стрига-Оболенский положил перед ним грамоту. Александр прочёл её. Это был отказ его от своего княжения в пользу великого московского князя Иоанна Васильевича. Александр посмотрел на москвичей. На их поясах болтались мечи.

– А деньги?

– Подпиши, – сказал Стрига-Оболенский.

Александр поставил свою подпись.

– Вот. Возьми. – Стрига-Оболенский бросил на стол мешочек с монетами.

Москвичи вышли.

Александр высыпал содержимое мешочка-кошелька на стол. В нём было всего двадцать вместо обещанных двухсот рублей.

Фёдор Басёнок

Любимым развлечением многих правителей была охота. Иван не был страстным охотником. Он отправился на охоту со своими друзьями молодыми вельможами боярскими детьми, больше потворствуя стремлениям своих друзей молодых вельмож детей бояр, нежели собственным желанием. Охотились на кабанов и оленей, используя луки и самострелы (русский вид арбалетов). Занимались соколиной охотой. В подмосковных лесах и полях полно было разного зверья. Во время ночёвок собирались у костра. На вертеле жарился какой-нибудь зверь. Для друзей Ивана это было чистой воды развлечением. Иван склонный к размышлениям делал выводы. Ему была непонятна жестокость природы, её законы. Сильный всегда побеждал слабого. Разве это справедливо? Если так всё происходит, значит скорее всего справедливо.

– А я как-то в один день застрелил семь зайцев, – похвастался один из охотников, лежащий у костра.

– Главное не количество. Важно ещё шкурку не испортить. У зайца легко шкурку испортить. Зайца надо бить в глаз, – заметил другой знаток охоты.

Ивану стало скучно от подобных разговоров. Он встал и пошёл в свой шатёр поставленный слугами.

Охотники вернулись в Москву.

На крыльце княжеского дворца Ивана ждали люди. Бояре. Семеро.

Иван передал коня конюху и поднялся на крыльцо.

– Меня ждёте, бояре? – спросил великий князь.

– Тебя, княже.

– Что-то произошло?

– Мы хотим правды искать от тебя. – К князю приблизился боярин Василий Морозов. – Хотим найти управу на боярина Басёнка. Совсем он потерял уважение к знатным людям и обижает хороших людей.

– Кого он обидел?

– Моего брата, – сказал Семён Воронцов. – Многих наших родственников обидел, когда устанавливал межи по твоему изволению.

– Ладно, я поручу ему другое дело.

– Князь, по установке межей спорщики целовали крест, на том, что согласны с порядком установленным Басёнком. Тяжело будет переменить всё это обратно, – сказал Морозов.

– И что вы хотите?

– Наказания, – ответили несколько голосов.

– Как его наказать? Посадить его в темницу?

– Это слишком мягко, – сказал Морозов. – Смерть. Казни его.

– Или ослепи, – предложил Борис Ощера старый боярин.

– Я решу этот вопрос.

– Долго не затягивай с этим делом, – услышал Иван, когда уже был спиной к боярам, поэтому и не понял, чьи это были слова.

Спустя два дня Иван заседал на боярской думе в великой палате дворца. Он сидел на троне в углу. От него в две стороны сидели на лавках бояре.

Справа от него с лавки встал боярин Иван Патрикеев.

– Изволь, великий князь, обсудить вопрос о посольстве к крымскому хану. – Патрикеев сел.

– Что об этом думаете, бояре? – обратился к думе Иван.

– А что тут думать, давайте отправим Василия Китая, он умел в таких делах, имеет опыт общения с заморскими правительствами, – предложил полный боярин с красным лицом.

– Быть по тому. Василий, отправишься в Крым.

Василий Китай встал и сделал полупоклон.

– Исполню, великий князь.

Встал Василий Морозов.

– Доходят до нас слухи, что боярин Фёдор Басёнок сношался с польским королём и получал от него письма.

Басёнок подскочил со скамьи.

– Что за наговоры! Кто распускает эти слухи?! Это клевета!

Басёнку было уже за сорок. Он был почти весь седой.

– Это не наговоры. У меня есть свидетели. – Со скамьи вскочил боярин Воронцов.

Воронцов и Морозов стали против Басёнка.

– Ложь! – кричал Басёнок.

– Наказать, – сказал Иван.

К Басёнку направились два охранника с алебардами.

– А свидетели?! Нужно опросить свидетелей! – кричал Басёнок.

– Свидетелей, князь, уже опросил! – соврал Воронцов.

– Зачем мне переписываться с польским королём? Что за нужда? – оправдывался Басёнок.

– Чтобы известить род московских князей, – сказал Морозов.

– Да я верой и правдой служил отцу великого князя.

– Ослепить, – огласил решение Иван.

– Нет! – закричал Фёдор. Его уже держали за руки охранники. – Нет!

Фёдор вырвался и побежал из залы.

Иван опустил голову и закрыл глаза ладонью.

Фёдора скрутили охранники. Его ослепили в этот же вечер 27 августа 1463 года, после чего он был отправлен в Кирилло-Белозерский монастырь, где прожил остаток своей жизни до 1480 года.

Иван понимал, что сделал подлость. Фёдор Басёнок не был ни в чём виноват. Он помогал его отцу в борьбе за Москву с двоюродными братьями. Он ни разу не предал отца. У него не было серьёзных связей при дворе. Он так и не пристал ни к какому клану. Иван поручил ему после смерти отца заняться разрешением споров межевания боярских отчин и поместий. Это всегда было неприятной работой. Худородные бояре и помещики постоянно жаловались на притеснения со стороны более знатных вельмож. Басёнок несколько раз учёл интересы худородных и тем самым нажил себе много влиятельных врагов. К тому же у Басёнка стали появляться друзья среди тех, кому он помог. Он мог стать влиятельным человеком, чего так не хотелось родовитым московским боярам.

– На сегодня всё, – объявил Иван.

Он был опустошён и очень устал. У него не было другого выхода. Что было бы, если бы он не пошёл на поводу у Морозова, Воронцова и их друзей? Всё что угодно. У него есть братья, любой из которых может занять его место в любое время. А какая разница боярину, кто сидит на московском престоле; для него важнее своё место на скамье в боярской думе.

Иван и Марья

Ужинал Иван по обыкновению в кругу самых близких людей: матери княгини Марии Ярославны, жены Марии Борисовны – дочери тверского князя, шестилетнего сына Ивана и брата Андрея Меньшого. Андрея ещё не отпустили княжить в Вологду, которую ему завещал отец, был ещё мал. В Вологде за него сидел наместник, поставленный Иваном.

Слуги приносили и убрали блюда.

– Андрей написал мне письмо, – сказала Мария Ярославна.

Иван сделал глубокий вдох. Он не любил, когда мать говорила об Андрее Большом. Всем известно, что Андрей – её любимец. Он нарочно не поддержал начатой матерью темы.

– Андрей пишет, что собирается построить в Угличе новую церковь; пишет, что тамошние умельцы сделали какие-то два моста, – продолжила мать.

– Никогда не замечал в нём увлечения строительством, – заметил Иван.

– Ты мало внимания уделяешь своим братьям. Ты видел, какого привезли Андрюше дикобраза. – Мать имела в виду Андрея Меньшого. У него был небольшой зверинец, где животные содержались в клетках.

– Боярин Никита Воронцов обещал мне привезти белого медведя, – сказал Андрей.

На ночь Иван уединился в спальне с женой. Маленький Иван спал в отдельной палате с няньками и дядьками телохранителями.

Мария легла на кровать в платье, не раздеваясь. Кровать была устлана сверху большими шкурами бурого медведя. У Марии было почти детское кукольное лицо и светло-голубые глаза.

Иван лёг рядом.

Мария прижалась к нему, обняла.

Они поженились, когда Ивану было всего двенадцать лет. Когда ему исполнилось восемнадцать, у них родился сын Иван. Сына назвали, когда ещё был жив отец. Так назвали в честь Ивана Первого Калиты. Он считался счастливым и успешным правителем. Был ещё правитель с таким же именем в Москве Иван Второй Красный. Он был менее счастлив, потому что недолго правил, всего шесть лет.

Иван думал, что имя может приносить счастье. Хотя первые годы его жизни были полны разного рода приключений, не всегда приятных.

Мария много ходила в церковь.

– Иван, ты читал святое писание? – спросила Мария.

– Почему ты спрашиваешь, ты же знаешь, что читал.

– Я хочу, чтобы ты рассказал что-нибудь из писания. Я многого не понимаю в этой жизни; может быть ты мне сможешь объяснить что-нибудь.

– Это надо к священникам обращаться.

– А священное писание тебе понимать необязательно. Для женщин это не нужно.

– Потому что все женщины – глупые.

– Конечно.

– А что ты знаешь про грех?

– Грех – это зло. Грех порождает неприятности, которыми приходится расплачиваться за свои ошибки.

– Какой же ты умный.

– Об этом говорил священник на проповеди.

– А почему сами священники такие грешники?

Мария имела в виду попов, которых пытался перевоспитывать в это время митрополит Феодосий. Овдовевшие попы заводили себе наложниц и вели совсем не аскетический образ жизни.

– Меня это тоже очень расстраивает. Я хотел помочь Феодосию в этом деле. К сожалению попы – такие же люди, как и все другие, а иногда даже хуже.

Борьба Феодосия с попами-грешниками закончилась победой последних. Попы начали баламутить простых прихожан против митрополита. Некоторые храмы закрывались, там, где попы были отстранены от своего сана. Людям некуда было ходить на службу. Феодосий не знал, кем можно заменить отстранённых священников.

Народ роптал. Рядовые священники-попы тоже были недовольны действиями митрополита. Эти народные брожения не нравились Ивану. Он не любил беспорядок и хаос.

Иван стал на сторону противников Феодосия. 14 сентября 1464 года Феодосий отказался от митрополитства и удалился сначала в Чудов, а потом в Троице-Сергиев монастырь. Вместо него был избран на кафедру митрополита Филипп – епископ суздальский.

Обычно день великого князя проходил так. Сначала он заседал с боярами (боярской думой), потом принимал послов или разного рода челобитчиков. Иногда он обедал со знатными боярами или послами. Впоследствии некоторое время Иван стал отдавать на заседание с ближними дьяками, занимающимися важными текущими делами и самыми близкими боярами. Это было похоже на правительство, действующее параллельно боярской думе.

В этом правительстве видное место занимал дьяк Алексей Полуэктов. Иван в очередной раз решил собрать своё правительство. Первым явился Полуэктов.

Правительство заседало в небольшом зале с длинным столом, во главе которого заседал Иван.

– У тебя новое платье, – заметил Иван.

На Полуэктове было новое дорогое синее платье.

– Да, из немецкого сукна.

– Правильно, помощник князя должен выглядеть соответственно. Алексей, откуда не пришли бояре и дьяки, я хотел бы с тобой посоветоваться о делах особенных сердечных. Ты человек ума сноровистого, большого, наверное, знаешь в этом толк.

– Если, что знаю, обязательно о том поведаю, великий князь. – Полуэктов приложил ладонь к сердцу.

– Ладно, ли у тебя всё с женой твоей?

– Натальей?

Полуэктов задумался. Он не понял, чего от него хочет князь.

– Я много думаю о моих отношениях с Марией. Иногда прихожу к мысли, что она не так дорога мне, как должна быть дорога жена. Хотя понимаю прекрасно, что дела сердечные – сушая глупость. И всё равно чего-то не хватает.

– Вы часто бываете близки?

– Редко.

– По вашей воли?

– А по чьей же? Не хватало ещё бабе надо мной повелевать.

– А близости хочется?

– Не знаю чётко. Иногда хочу, иногда нет.

– Я понимаю. Иногда бывает так, что жена становится со временем менее притягательна. Так бывает со многими мужьями и жёнами.

– И?

– Есть такие женщины...

– Бляди?

– Бляди и... к примеру вдовы, некогда жёны состоятельных людей. Они ещё не стары. Они принимают в своих домах любовников.

– Чем они лучше?

– Тем, что такая женщина может встречаться с одним мужчиной долгое время, а не давать себя часто многим мужчинам.

– Господи, как же грешны наши люди, а я толком и не знаю, как живёт народ, да и про знать плохо знаю.

– Да люди слабы. Нужно быть сдержанным, не отдавать себя в полную волю страстям. Если с умом грешить, потом покаяться, помолиться в церкви, попросить у бога прощения, всё будет хорошо. Так многие живут.

– И есть красивые женщины из таких?

– Есть. А можно найти вдову, которая после мужа не была ни с кем ещё из мужчин.

– Ты – сатана, Алексей, искуситель. Не готов пока я к этому. Я вот подумал как-то: а ведь я как правитель сильного государства мог бы найти себе жену и познатнее и повиднее.

Полуэктов понял мысль Ивана. Брак его с Марией был вынужденной мерой. Василий Тёмный нуждался в поддержке Твери, так как находился в трудном положении. Его пребывание на московском престоле было шатким. Тверской князь Борис думал, а не сглупил ли он, отдав дочь за неудачника. В то же время в случае победы Василия Тёмного в феодальной войне, что и случилось впоследствии, старые враги Тверь и Москва посредством брака Ивана и Марии должны были стать союзниками. Москва окрепла. Иван считал Тверь союзником только младшим и неровней себе. Тверских родственников он не жаловал.

У первых русских князей был такой обычай – полюдьё, когда князь объезжал свои владения, земли. Обычно в старину это делалось раз в год. Теперь это совершалось редко. В государстве было всё спокойно, и Иван решил сделать объезд своей страны. Начал с севера, потом поехал к южным рубежам. Шёл 1467 год.

Иван со своей свитой прибыл в Коломну. Купцы и бояре подарили Ивану подарки. Великий князь остановился в доме наместника, где решено было устроить вечером пир.

Иван посетил службу в главной церкви города. Священник предложил князю посмотреть, как работают местные иконописцы.

В мастерской трудились восемь художников. Иван смотрел на этих молодых и взрослых людей. Эти люди ему казались какими-то особенными. Они не похожи на привычных грешных людей. Может быть они живут по божеским заповедям. Или же на них сходит особая благодать во время работы, а в свободное от работы время они предаются слабостям и страстям свойственным многим людям.

Молодой парень с длинной русой шевелюрой выводил тени под глазами Богородицы. Во взгляде Божьей матери было столько жалости и сострадания.

– Грешников она тоже жалеет? – спросил Иван молодого иконописца.

– Для неё все равны. Они тоже дети господа, только заблудшие.

«Получается господь создал и злодеев. Но зачем?» – подумал Иван.

Мария. У него тоже мать Мария. И жена. Только он не бог. Господин большой страны.

Утром 23 апреля за завтраком в дом наместника вошёл, прискакавший из Москвы гонец.

Мария – жена умерла накануне. Это была странная смерть. Она не болела последнее время.

Иван уединился на какое-то время. Они стали чужими в последнее время друг другу. Он не искал с ней близости, а от редкой близости у них не появлялись дети. Это огорчало Ивана. Он хотел ещё детей. Мало ли что случится с Иваном. Он хотел, чтобы после него Москвой управляли его потомки. В то же время Мария была близким ему человеком. Придворные и народ любили её за скромность и добрый нрав.

Через неделю Иван вернулся в Москву. Впервые он столкнулся с недовольством народа. Народ был им недоволен. Почему князь не приехал на похороны любимой княгини? Иван не собирался отчитываться перед чернью, но запомнил, что нужно всегда иметь в виду мнение простого народа, черни.

Следствие, устроенное Иваном показало, что в смерти Марии подозревалась жена дьяка Алексея Полуэктова Наталья. Якобы кто-то видел, как та ходила к ворожеям. Очевидцев и свидетелей преступных действий Полуэктовых не удалось найти. Иван и не усердствовал в расследовании. Наталья имела доступ к Марии и вполне могла совершить злодейство по наущению мужа. Полуэктов таким способом мог искать ещё большей милости своего государя, зная, что того тяготил брак с Марией.

– Не допускать Полуэктова и его жену на мои глаза! – приказал Иван.

Если и были Полуэктовы замешаны в смерти Марии Тверитянки, то отделались они очень легко. Опала длилась шесть лет, после чего Иван вернул Полуэктова к государственным делам.

Казань. Быть войне

К середине 15 века Золотая Орда распалась на несколько ханств. Дань Москва платила Большой Орде. Кроме неё существовали ещё Крымское и Казанское ханства. Казанское ханство образовалось на месте страны болгар. Булгары находились в зависимости от монголо-татар. Они подверглись монгольскому нападению также как и русские княжества в первой половине 13 века. У болгар было своё зависимое от Орды государство со своим князьком. Об этом государстве сохранилось мало сведений. На Булгарию совершали походы русские князья, также зависимые от татар. Орда представляла собой аморфный и дикий организм плохо организованный и плохо управляемый. Власть татар над Русью и булгарами держалась больше на страхе перед жестокими кочевниками, нежели на настоящей силе. На Руси татарских правителей называли царями, тем самым, признавая их превосходство над русскими великими и просто князьями. Во время правления отца Ивана Василия Тёмного из Большой Орды на Русь пришёл татарский царевич Улу-Мухамед со своими татарами. Он проиграл схватку за верховную власть в Большой Орде. Улу-Мухамед остановился у города Белёва и собирался обосноваться в этом месте. Василий Тёмный решил дать Улу-Мухамеду сражение и выдвинул против него войска. Василий сам вёл русские рати. Он потерпел поражение и попал в плен, стоивший русским княжествам большого выкупа. Улу-Мухамед переместился в землю болгар. Он убил местного правителя Али-бея и основал здесь Казанское ханство. Татары Улу-Мухамеда постепенно стали смешиваться со своими единоверцами булгарами, которые также были мусульманами. От этого смешение пошло современные российские татары. Также в земле Казанского ханства жили черемисы, родственные мордве и мари.

Булгария в отличие от кочевой Большой Орды была государством с развитым земледелием и городской культурой. Это должно было способствовать постепенному развитию цивилизованности у новых казанских правителей. В первое же время казанские ханы татары не расставались со своими степными привычками и продолжали жить временами в кочевьях, а не в городах и столице. Это выглядело очень странным в глазах местных жителей, ведь в их стране не было степей.

Теперь уже не булгары были жертвами нападений русских отрядов, а наоборот Булгария теперь уже в виде Казанского ханства совершала набеги на русские княжества. Татары опустошали окрестности, обычно не трогая хорошо укреплённые города. В плен уводили много простых, не способных защитить себя и свои семьи русских людей. Потом их по Волге везли на продажу в страны Востока.

Иван нерешительный, осторожный и склонный к медленному решению всех вопросов не хотел войны с Казанью. Но ответные меры принимать было нужно. Роптал народ на улицах и площадях. Больше иногородние люди. До Москвы татары давно не доходили. Иногда в боярской думе были слышны голоса:

- Одолели уже басурмане!
- Сколько терпеть разбой проклятых!
- Ответим силой! Все поднимем мечи за святое дело!

Такому напору Иван не мог противостоять. Да и умом он прекрасно понимал, что нужно показать силу татарам или предпринять против них хотя бы какие-то меры, чтобы остановить нападения на земли княжества.

- Быть войне! – огласил наконец своё решение великий князь.

Основная часть войска вышла из Москвы 14 сентября 1467 года. По дороге к главным силам присоединялись отряды и полки из других городов. Иван остановился во Владимире и здесь сделал свою ставку, дальше он не пошёл. Войска к Казани повели известный воевода

Иван Стрига-Оболенский и князь Данила Дмитриевич Холмский. Холмский был из тверских князей. Не желая довольствоваться малым уделом, он перешёл на службу к московскому великому князю; а может быть он был лишён и удела. Русские войска подошли к реке Сви́яге, к её устью при впадении реки в Волгу. На противоположном берегу русские полки уже ждали татарские воины. У русских не было суден, чтобы можно было перебраться на другой берег. Ждали подхода судовой рати, которой всё не было. Тогда русские предводители решили пойти на хитрость: сделать вид, что отступают, а на самом деле устроить засаду. Татары на своих судах и лодках переплывут реку, чтобы преследовать отступающих. Как только они выйдут на берег, русские воины нападут на них, отберут их лодки и переправятся на них на другой берег. Русские воины укрылись в засаде на своём берегу. Как и предполагали воеводы, татары на лодках и лёгких судах двинулись к их берегу. Лодки ударились о берег, татары стали выпрыгивать и выбираться на землю.

– А-а-а! – дико закричал и выскочил из засады Айдар русский воин, не дождавшись команды воевод.

Татары насторожились. Русским пришлось открыться и атаковать. Татары понесли небольшие потери и быстро отступили. Русские остались без лодок, и переправляться было не на чем. Так глупость одного воина испортила весь план русских полководцев. Айдар был княжеским постельничим. Он судя по имени был татарин. Он заправлял и убирал постель князю. В русском войске было много людей двора великого князя чашничие, конюхи, стряпчие и другие. Именно от людей двора и сложится со временем класс русских дворян.

Судовая рать задерживалась. Ждать её уже не было смысла. Стрига-Оболенский приказал поворачивать войска обратно. Путь обратно был тяжёл, чтобы его как-то облегчить воины сбрасывали с себя тяжёлые доспехи.

В ответ на действия русских войск татары напали на Галич, разорили его окрестности и ушли обратно с русским пленом.

Иван приказал князю Семёну Романовичу из ярославских князей напасть на земли черемисов, входившие в состав Казанского ханства. Семён Романович со своим войском 6 декабря 1467 года выдвинулся в сторону черемисов. Спустя месяц 6 января 1468 года он вторгся в земли черемисов, разорял их земли, брал в плен, сжигал дома, убивал их. Вернулся Семён Иванович благополучно.

Татары ответили весной, 1 мая они вторглись в окрестности Мурома, разорили и опустошили их.

Иван отправил разорять земли ханства московского воеводу Ивана Дмитриевича Руно. Великий князь был верен себе. Он не спешил ответить на агрессию татар решительными действиями, а отвечал подобными ударами по слабым местам противника. Руно собирал воинов в Устюге, Вологде. Он прибыл в Вятку, которая представляла собой самостоятельное политическое образование и подобие республики. Вятка отказалась поддержать Руно, но к нему присоединились несколько сотен добровольцев. Руно вошёл в земли ханства и встретился с войском татар. Русские победили и взяли в плен несколько знатных татар. Руно вернулся в земли Московского княжества.

Татары пошли в Вятку, но не стали её разорять, взяв с вятчан обещание держать нейтралитет в их конфликте с Москвой.

4 июня из Нижнего Новгорода в сторону Казани двинулось войско возглавляемое князем Фёдором Семёновичем Ряполовским по прозвищу Хрипун. Иван по-прежнему управлял своими войсками на расстоянии. В 40 верстах выше Казани на берегу Волги сошлись войска Ряполовского и татар на берегу Волги у места Звеничев Бор. Русские одержали победу. В бою пал знаменитый татарский воин Колупай, в плен попал родственник казанского хана Ибрагима «казанский князь» Козум Бердей. Иван не стал развивать успех, надеясь, что татары

успокоятся и перестанут тревожить его страну. Но и эта победа русского оружия не остановила от ответных мер Ибрагима.

Татары снова пришли к окрестностям Мурома, в котором с полком сидел князь Данила Холмский. Холмский среагировал стремительно. Он бросился в погоню, отбил пленников у татар и много перебил казанцев.

В этом же году летом из Степи пришли татары на Русь. Они дошли до Оки и разорили её правый берег, набрали пленников и ушли обратно. Это были татары, не подчинившиеся хану Большой Орды Ахмату, так какая-то самостоятельная орда, кочевавшая сама по себе на территории его кочевой страны.

Иван Фрязин

В Москве проживало несколько итальянцев, образовавших небольшую колонию. Москвичи итальянцев называли фрязинами или фрягами. Пришли итальянцы в Москву из Крыма, где ещё остались венецианские и генуэзские колонии. Это были отчаянные люди, авантюристы, желавшие разбогатеть на торговле с неведомой Московией. В Москве относились к иностранцам с подозрением, тем более к католикам, считавшихся врагами православия. Впрочем, бояре, московская знать были настроены более космополитично, и смотрели на итальянцев не как на врагов, а как на обычных иностранцев. Главными врагами тогда были Литва и Казань, а итальянцы хоть и были приверженцами враждебной латинской веры, всё же не были представителями враждебных Москве государств.

Активную деятельность в Москве развил итальянец Джан Батисто делла Вольпе. Москвичи называли его по-своему Иван Фрязин. Он имел при себе кое-какой капитал, когда прибыл в Москву и решил заняться здесь ростовщичеством, на что получил разрешительную грамоту от самого великого московского князя. Он давал в долг боярам, купцам и даже князьям. Вольпе был своего рода первым иностранным банкиром в Москве, а москвичи называли его «денежником». Дела его шли успешно. В его доме останавливались за плату иностранные купцы из немецких прибалтийских земель. Через немцев Вольпе поддерживал связь с папским двором в Ватикане. Он брал ссуду у папы и почти с ним расплатился. Папа Сикст Четвёртый, зная что дела Вольпе идут хорошо, стал интересоваться возможно ли склонить московского правителя его страну в «истинную» веру. Вольпе отвечал в письме, что это маловероятно. Народ московский очень разный, есть люди очень верующие, есть много людей, относящихся к церкви скептически; но в массе своей москвичи – люди консервативные. К католикам здесь относятся настороженно и иногда враждебно. Потом папа интересовался возможностью принятия участия Москвы в войне с турецким султаном, захватившим приличной кусок Европы. А ещё через некоторое время папа написал Вольпе о том, что в Риме при дворе кардинала униата Виссариона проживает племянница последнего константинопольского императора Зоя Палеолог, которая могла бы стать женой великого князя Ивана. Идея сватовства знатной гречанки за московского правителя показалась Вольпе дерзкой, и в то же время из этого можно было наверняка извлечь какие-то выгоды; при случае конечно доведения этого дела до конца.

Вольпе попросился на приём к великому князю.

Иван принял итальянца утром в окружении близких бояр.

Итальянец был одет в дорогой кафтан с собольим воротником. Его лицо с тонкими чертами лица было красным от мороза. Была зима. Начался 1469 год.

– Великий князь, из моей родной Италии пришла весть о том, что в Риме живёт племянница последнего византийского императора, дочь морейского деспота Фомы Зоя. Эта знатная гречанка, в которой течёт кровь восточных римских императоров, честная девушка, которая ждёт достойного жениха, – обратился к Ивану Вольпе.

– Слышали, бояре. За меня сватают гречанку, – Иван, сидевший на троне, усмехнулся. – А что у моих предков были и гречанки в жёнах.

– Только те, были дочери настоящих царей, – заметил полный Василий Китай, авторитетный боярин. – А эта? Ну и что, что племянница императора. Их государства то больше нет. Какая польза от этого союза нашему государству. Ты уж прости князь за прямоту мою, но сам знаешь, в таких делах обычно и государственная польза учитывается. Такая уж твоя доля.

– Знаю, – согласился Иван.

– Но, взяв в жёны греческую деспину, великий князь, станет претендовать на Константинополь, – заметил итальянец.

– Вот к чему клонит фрязин, – сказал Стрига-Оболенский. – Папа хочет нас втянуть в войну с турками.

– Да, турки далековато от нас, – сказал Иван.

– Нам бы сладить с Казанью, да Ахмата успокоить, – сказал Василий Китай.

– А как она выглядит? – неожиданно спросил Иван.

– Я могу попросить в письме сделать портрет Зои, – ответил Вольпе.

– Портрет? – не понял Иван.

– Да это картина, что-то вроде русской иконы, но только на картинах иногда изображают и разных людей, не только святых и Иисуса, – объяснил, как мог Вольпе.

Вольпе был доволен. Кажется рыбка захватила наживку.

– Напиши. Пусть сделают портрет, – решил Иван.

К концу зимы Иван с боярской думой обсуждал дальнейшие отношения с Казанским ханством. Многие бояре были настроены воинственно:

– Надо идти на Казань и брать её измором, – говорил один боярин.

– Не возьмём Казань, так опустошим её земли. Сами казанцы будут просить мира, – предлагал другой.

– Сколько будем терпеть такого волка под боком; он же разорит нас со временем, – поддержал их третий вельможа.

Для бояр такие походы могли принести выгоду, особенно когда те сами принимали в нём участие. Захваченное добро побеждённых и пленники могли приумножить богатство аристократов. Много было мужественных бояр. Они не только заседали в думе, но и умели обращаться оружием.

Их уверенность и храбрость подталкивали Ивана к активным действиям, но он не был так уверен в своих силах, как его окружение.

– Почему бы нам не устроить переговоры с Ибрагимом? – робко предложил он.

– Да, что толку от этих переговоров! – завозмутился крупный боярин с чёрной волнистой бородой.

– Хорошо, пусть собирается войско, и в то же время мы начнём переговоры с ханом.

Так Иван уступил воинственным боярам и в то же время сумел отстоять и свой план действий.

9 апреля из Москвы в сторону Нижнего Новгорода вышла большая рать под руководством воеводы Константина Беззубцева. Иван велел рати остановиться в Нижнем Новгороде и ждать дальнейших его указаний.

В то же время в Казань убыли люди касимовской царицы для переговоров с Ибрагимом. Муж касимовской царицы татарский мелкий князёк находился на службе у московского князя и приходился родственником Ибрагиму.

Наконец люди касимовской царицы прибыли в Москву. Царица сама пришла со своими слугами на приём к великому князю. Иван сидел в окружении своих ближних бояр на троне. Имя царицы не сохранилось ни в русских летописях, ни в зарубежных источниках.

– Хан Ибрагим желает мира с русским князем, – обратилась к Ивану царица.

– Что сказал Ибрагим на мои условия? – спросил Иван. Иван требовал отпустить весь русский полон из Казани.

– Хан согласен выпустить безвозмездно тысячу русских пленных; остальные находятся не в его собственности, и их хозяева хотели бы получить хотя бы небольшой выкуп.

Иван посмотрел на своих бояр.

– Ещё чего, – сказал Семён Ряполовский. – Мы и так разгромим Казань и сами наберём пленников татар.

- Надо продолжать войну, – сказал Василий Китай.
- Знает ли хан, что я готов к большой войне с ним? – спросил царицу Иван.
- Знает. Не торопись, князь, с войной. Ещё можно договориться о мире.
- Как?
- Предложи хану, его купцам свободную торговлю в Москве.
- Они и так торгует у нас свободно.
- Уменьши пошлины взимаемые с них.
- Ладно, пусть будет так. Но хан должен освободить весь русский полон.
- И ещё Ибрагим хочет быть уверен, что ты не пойдёшь на него войной.
- Это естественно.

В Казань убыло новое посольство.

Войско, сидевшее в Нижнем Новгороде, наблюдавшее за перемещениями посольства из одной стороны в другую, начало роптать:

- Эх, малодушен князь. О чём можно договариваться с этими проклятыми бесерменами, – говорил один воин.
- Мир лучше войны; но какого лешего мы здесь торчим уже больше месяца, – ворчал другой.

Послы задержались в Казани. Из Нижнего Новгорода постоянно приходили грамоты, в которых сообщалось о недовольстве князем простыми воинами и воеводами.

Тогда Иван приказал: пусть добровольцы идут на Казань.

В мае на Казань от Нижнего Новгорода отплыла большая судовая рать под руководством Ивана Руно. Добровольцами оказалась большая часть воинства, собравшегося в Нижнем Новгороде.

Руно – опытный воевода избрал тактику стремительного нападения. Воины налегали на вёсла и рать подошла к Казани не замеченной татарами.

Увидев русские суда-насады жители Казани бросились к воротам крепости; но многие ничего не заметили. Русские воины бросились рушить и жечь посад. Казанцы прятались в подвалах и мечетях. Мечети запылали, как когда-то пылали русские храмы с прятавшимися в них мирными жителями во время нашествия Батыея.

Освободили большой полон: московский, рязанский, литовский, вятский, пермский, устюжский. В Казань рабов продавали степные татары. Это были литовские и рязанские крестьяне.

Можно было предпринять штурм Казани. Иван Руно был не только умелый воевода, но и опытный политик. Такая решительность могла прийти не по душе великому князю, который вёл переговоры с Ибрагимом.

– Поворачиваем обратно, – приказал он.

Русское войско отплыло вверх по Волге домой.

Руно велел сделать стоянку на острове Коровнич. Не успели ратники устроиться для отдыха, на серой волжской глади показались суда татар.

– Приготовиться к бою! – скомандовал Руно. – Молодых воинов и пленников отправить на остров Ирыхов!

Воевода не хотел рисковать не опытными ратниками. Он оставил рядом с собой только старых и опытных воинов.

В кровопролитной битве русские ратники отбили от татар, которые отступили.

Иван Руно встретил послов касимовской царицы, плывших из Москвы. Они сообщили о мире, заключённом между Иваном и Ибрагимом.

Руно отправился к Москве, но татары продолжили преследование русских.

– Почему они следуют за нами? – спросил Руно молодой воин. – Ведь между нами теперь мир.

– Мы вроде считаемся, как и не воины князя, когда пошли на Казань; ведь мы пошли, как доброхоты-добровольцы, – ответил Руно.

Молодой воин скривил рот в непонимании. В его молодой голове не укладывались хитросплетения большой политики.

Руно и его воинам пришлось дать ещё один тяжёлый бой татарам, после чего те отстали и русичи ушли наконец в свою землю.

Северной рати под руководством Ивана Ядра повезло меньше. Ядро был родом из ярославских князей. Его небольшой войско находилось на Каме, когда до него дошла весть о мире с Ибрагимом. Северная рать успешно разоряла земли Казани и могла вернуться в свои земли и в Москву длинным северным путём. Был и другой путь: по Каме и по Волге через Нижний Новгород. Этот путь был короче.

– Если у нас сейчас с татарами мир, то они должны беспрепятственно пропустить нас по Каме мимо Казани в Волгу, по которой мы быстрее доберёмся до дома, – решил Ядро.

У устья Камы войско Ядро ожидали татарские судна, перегородившую реку. Стало понятно: татары не собираются миром пропускать русские насады домой. Русичи подняли вёсла, встали. Татары превосходили русских в количестве в десять раз. Это было понятно невооружённым взглядом. Один молодой воин невольно вздрогнул. Кто-то начал произносить молитву.

Можно было попытаться уйти назад.

Ядро как назло молчал.

– Братцы, умрём, но не побежим и не сдадимся! – крикнул князь Василий Ухтомский. – Как говорил наш великий князь Святослав: мёртвые сраму не имут!

Русские направили суда на татар. Татары были удивлены отчаянностью русских. Это было настоящим самоубийством.

Иван никак не обговорил в переговорах отношение Ибрагима к русским воинам, находящимся в его земле и тот мог расправиться с ними, как с обычными разбойниками.

Русские насады врезались в татарские суда. Началась беспощадная резня. Получив несколько смертельных ран от татарских сабель, упал в Каму и утонул Иван Ядро. Отчаянный Василий Ухтомский схватил большую дубину-ослоп и перепрыгивал с ним с одного татарского судна на другое, круша врагов на своём пути. Василий спас много русских воинов от верной смерти. Несколько татарских суден перевернулось. Образовалась брешь, в которую сумели прорваться семь русских насадов. Василий смёл с татарского судна двух татарских воинов, которые свалились в воду, и собирался прыгнуть на следующее судно.

– Василий сюда быстрее! – услышал Василий.

Это ему кричал Григорий Перхушков – мелкий слуга при дворе Ивана. Этот отчаянный молодой парень успел отправить на тот свет дюжину татар. Его насад уходил через образовавшуюся брешь.

– Прыгай в воду, не дури! Быстрее! – кричал Григорий.

Василий бросил дубину в татарское судно и прыгнул в воду. Он доплыл до насада. Его втащили в судно.

– Всё! Давай ребята, навались! – крикнул Григорий.

Прорвавшиеся русские насады благополучно добрались до Нижнего Новгорода и дальше до Москвы.

Выжившие смельчаки обратились к великому князю с просьбой получить награду за свой подвиг. Иван наградил всех золотой монетой. Это показалось не достаточным воинам; они повторно обратились с той же просьбой к московскому правителю. Иван снова дал им золотую монету. Упрямы в третий раз обратились к князю, не удовлетворённые его наградами. На этот раз Иван одарил каждого воина комплектом одежды, стоившим недёшево в те времена. Иван сам был упрямым, не менее чем упрямы-воины, требующие платы за свои

ратные подвиги. Положение дел изменилось. Назревал новый военный конфликт с Ибрагимом и Ивану нужны были воины-смельчаки, готовые повоевать за Москву и Русскую землю.

Имена героев войны с Казанью Григория Перхушкова и князя Василия Ухтомского сохранили русские летописи. О дальнейшей судьбе этих храбрецов ничего почти неизвестно. Григорий служил при княжеском дворе, возможно от него начался дворянский род, и его потомки оставили след в отечественной истории, такой же, как и их храбрый пращур. О Василии Ухтомском источники упомянут только несколько лет спустя. Можно не сомневаться, что этот храбрец принимал участие во всех военных предприятиях, которых было не мало во время правления великого князя Ивана московского. Завистники могли не давать ходу развитию его военной карьере, и он мог быть начальником небольшого полка или отряда.

На Казань шли новые рати. Командовать всеми войсками Иван назначил брата Юрия. Юрий Дмитровский возглавлял судовую рать. Берегом с конными ратями направились к Казани другой брат Ивана Андрей Углицкий и князь Василий Верейский сын Михаила правившего маленьким самостоятельным княжеством. Таким образом Иван подчёркивал своё право отдавать распоряжения мелким самостоятельным князьям. Передовые полки возглавляли опытные воеводы Юрий Патрикеев, Данила Холмский и Фёдор Хромой. Много в войске находилось людей, представляющих двор великого князя Ивана: конюхи, чашничие, кравчие, постельничие... Что заставило их отправиться в опасный поход, оставив тёплый княжеский дворец? Жизнь при дворе князя не всегда давала богатства и какие-то блага. Слуга был сыт, имел тёплую постель в комнате для прислуги и не всегда имел собственного дома. Дом в Москве стоил дорого, чтобы построить дом на окраине города, тоже нужны были средства. Дворовые слуги князя, многие в будущем дворяне часто были приезжими из других городов и сёл, искавшие куска хлеба и работы. Московский люд состоял большей частью из ремесленников и купцов, которые не сильно стремились попасть в княжеский дворец и относились несколько надменно к княжеской разношёрстной челяди. На войне можно было взять в плен человека и продать его на рынке за деньги или самому использовать для себя, как раба. Добыть деньги считалось большой удачей. Золотых и серебряных монет было мало в обороте русской экономики. У побеждённых отнимали всё, что можно было отнять. Забирали коней, скот, домашних животных, мёд, вина, ткани, одежду... все, что можно было продать или обменять.

Ибрагим не вернул всех русских пленных, как обещал согласно мирному договору, заключённому с великим московским князем Иваном. Люди Москвы напали на Казань уже после заключения договора: рать Ивана Руно и воины Ивана Ядро. Хан Ибрагим полагал, что эти причины давали ему право прекратить выдачу пленных Москве. Великий князь Иван не собирался терпеть это и объявил о новом походе.

Передовые русские полки, шедшие по берегу Волги, разбили отряды татар, направленные им навстречу. 1 сентября 1569 года русские воины стали собираться вокруг Казани. Не успевший отстроиться посад вновь запольхал. Быстро перекрыли доступ воды в город. Часть войск воеводы отправили грабить окрестности Казани. За стенами города чернело пепелище посада, за ним белели и желтели палатки и шатры русских воевод, князей и простых ратников.

Хан Ибрагим понял, что проиграл и послал парламентёров к русским воеводам.

Русские воеводы и князья сидели в самом большом шатре за длинным столом. Слуги разливали вино и мёд по чашам и разносили блюда. Парламентёры хана сидели на противоположном конце стола. Перед ними поставили чаши с вином и блюдо с фруктами.

– Хан готов выполнить все требования московского правителя, – сказал главный парламентёр, сорокалетний татарин в синем халате с кривой саблей, болтающейся на поясе.

– Что ж, у хана есть время выполнить требование князя, – сказал Юрий Патрикеев. – Мы будем ждать в нашем стане всех русских пленных.

Хан Ибрагим разослал послания всем своим наместникам, требуя от них привести к Казани всех русских пленных.

Этот поход стал для русских витязей лёгкой прогулкой.

На одном из советов русских военачальников в большом шатре вечером Юрий Патрикеев заметил:

– А что, мы могли бы и взять Казань.

– Можно оттяпать от ханства земли близкие к нам, построить крепости, – мечтал Данила Холмский.

Воеводы посмотрели на главнокомандующего князя Юрия.

– А как управлять бесерменами²? Они же не нашей веры, – князь Юрий отпил из чаши мёда.

– Крестить. – Князь Андрей откусил кусок мяса, нанизанный на нож.

– Великому князю это может не понравиться, – сказал Фёдор Хромой.

Все знали упрямый нрав Ивана. Он не хотел уничтожения ханства. Он думал об ослаблении Казани. Нужно было добиться того, чтобы Казань прекратила набеги на русские земли.

Иван ещё не видел в Москве будущую империю. Это было сильное государство, набирающее силы. Иван мыслил это накопление мощи постепенным; так было спокойней и надёжнее для его осторожной натуры. Он не любил спешить. Ему не нужны были рывки, резкие движения. Так можно было надорваться и многое потерять.

---

² Мусульманами.

Послы Феофила

Время шло медленно. 1470 год начался благополучно. Не было никаких неприятных событий в московской земле. В деревянном великокняжеском тереме часто устраивались пиры. В большой зале выставлялся ряд соединённых столов, укрытых дорогими скатертями. Слуги приносили новые блюда, уносили пустую посуду и объедки.

В августе в середине дня великий князь устроил пир для друзей и ближних бояр.

Всего собралось семьдесят девять человек.

– О чём помышляет, великий князь? – Василий Китай сидел по левую руку от Ивана, пятым от него.

– Думаю я, Василий, начать большее строительство. Каменное, – отвечал Иван.

– Что же замыслил строить, великий князь? – спросил Китай.

– Храм. Какой ещё не решил.

– Это мудрое дело. Великие правители умирают, но после них остаются великие строения, как память об их великих подвигах и делах.

– Не думаю я о славе, Василий. Величие княжества, Москвы, для меня первее славы и всего остального.

По правую руку от князя сидел Иван Ощера. Он спросил князя:

– Есть ли вести от папы и Фрязина?

– Да, есть письма. Я уже не рад, что связался с этими латинами. Хочу отказаться от этой брачной затеи, но до конца ещё не определился, как быть. Всё-таки я должен наверно на ком-то жениться, – ответил Иван.

– Митрополит ворчит?

– Да, Филипп против этого союза. Он считает, что я предаю тем самым нашу веру, и вообще болтает, что мне, дескать, нравится латинская вера.

Иван выпил из чаши медовый хмельной напиток, закусил пирогом с утиным мясом.

– Спать хочется.

– Великий князь, не время для сна ещё, – заметил воевода и знатный боярин Иван Юрьевич Патрикеев. Он сидел третьим в правом ряду от князя.

– Что тебя волнует, воевода?

– Не всё спокойно, княже, вокруг священной земли нашей московской.

– Да покоя нам не видать никогда в нашем уделе, это верно. К чему начал про беспокойство соседей, продолжай, воевода.

– А к тому что северные наши соседи торгаши и шильники новгородские всё никак не угомонятся в своих сварах да хитростях. Наши люди докладывают, что новгородцы много хулы распространяют про Москву, про великого князя.

– Сволочи. – Иван отпил немного из чаши медового напитка. – Хотя и наш московский люд порой на нас наводит напраслину. Что ж языки резать черни за это?

– Придёт время и будем резать языки. Но хула бог с ней. Новгородские бояре замышляют составить союз с Казимиром.

– Что ж, воевода, вижу, хотите вы войны с Новгородом.

– Без того видно не обойтись.

– Что думают другие воеводы и бояре?

За столом прошёл ропот. Большинство гостей желали наказать вольных новгородцев.

– Так для войны причина нужна, бояре, – сказал Иван. – Может быть стоит взять со строптивцев дань великую и поставить им наказ, чтобы отказались от всяких сношений с Литвой?

– Ты очень мудр, великий князь, – сказал Василий Китай. – Но строптивцы вряд ли пойдут на такие условия. Надо решить вопрос: волен ли Новгород или это твоя князь отчина.

– Как же это решить?

– А ты как сам считаешь, великий князь?

В ноябре в Новгороде умер архиепископ Иона. Его место занял выбранный по жребию ризничий покойного Ионы Феофил. Роль архиепископа в управлении русской республикой была значительна. Архиепископ заседал в высшем совете республики с посадником и избранным правительством. Его слово в совете имело большой вес, впрочем, и архиепископ не мог пойти против воли свободных новгородцев. Последнее слово в решающих делах всегда было за настроением простых новгородцев на вече.

Отношения с Москвой накалялись.

Феофил боялся серьёзного конфликта. Он решил приехать сам в Москву для поставления у московского митрополита. Но сперва Феофил отправил в Москву послов, чтобы те получили добро от московских властей на приезд архиепископа. Страсти между республикой и Москвой накалились настолько, что без заверений в безопасности проезда Феофил боялся отправляться в путь.

Посольство возглавлял пожилой игумен одного из новгородских монастырей Савва. Его сопровождали семь монахов.

Послы прибыли в Москву и сразу же отправились в Кремль в великокняжеский дворец.

Княжеский слуга в синем расписном платье и дорогой шапке с собольей оторочкой встретил надменно послов:

– Придётся ждать, когда великий князь соизволит вас принять.

Слуга провёл послов в палату, где велел ждать княжеского призыва.

Послы стояли больше получаса в пустой палате. Один монах из посольства бросил взгляд полный надежды на лавку у стены. Савва тоже посмотрел на лавку.

Двери палаты, откуда пришли послы, отворились и двое молодых слуг князя подстриженных под горшок подошли к лавке, взяли её и вынесли из палаты.

Савва насторожился, поняв, что это был нехороший знак.

Так послы простояли больше четырёх часов. За окнами стемнело. В палате горели свечи, принесённые княжескими слугами. Наконец из дверей, ведущих в приёмную палату великого князя, вышел княжеский слуга в синем платье, встречавший послов.

– Сегодня великий князь не сможет принять дорогих новгородских гостей.

Послы ночевали в доме, где останавливались новгородские купцы. Новгородцы, жившие в Москве, сообщили послам о враждебных настроениях московского правительства по отношению к Новгороду.

На следующий день посольство отправилось в Свято-Данилов монастырь. Послы молились в главном храме монастыря. Савва сделал низкий поклон перед ликом Христа.

– Упаси, Господи, от войны и несчастий русскую землю.

Позади послышался шум открываемых дверей храма.

– Ах, вот они где гости мои дорогие. – Савва не знал голоса великого князя, но сразу же догадался чей это голос.

Иван вошёл в церковь с друзьями и ближними боярами. Всего его сопровождали двенадцать человек.

Иван остановился перед иконостасом, перекрестился и поклонился. Сопровождавшие его сделали то же.

– Храни Господи великого князя московского. – Савва перекрестил Ивана.

– Храни Господи русскую землю. – Иван повернулся к иконам, снова перекрестился и сделал поклон.

Иван снова стал перед Саввой.

– С чем пожаловали, гости дорогие?

Савва явно расслышал в голосе князя ёрнические нотки.

– Хотим получить от тебя, великий княже, грамоты о безопасности проезда по твоей земле посольства нашего архиепископа.

– О безопасности? Я не ослышался? С каких это пор архиепископ новгородский стал бояться ездить по русской земле? Или что, в Новгороде меня принимают за разбойника? Дорогие послы, мне это очень не нравится. – Иван отошёл чуть в сторону от архиепископа. – Феофил должен был сам немедленно явиться для утверждения в своём сане в Москву к митрополиту Филиппу. И... И, что это за дерзость, когда представители моей отчины являются ко мне, будто чужестранные послы!? Жители моих отчин могут ездить по моей земле без всяких грамот.

Посольство покинуло Москву.

В доме новгородского архиепископа собрался совет. Кроме архиепископа были самые знатные бояре вольного города. Самыми главными считались Борецкие: вдова мать – Марфа и её сыновья Дмитрий и Фёдор. За столом сидели пятнадцать человек. Стол был накрыт скромно: рыба, хлеб, немного хмельного напитка в кувшинах, маленькие чарки, немного фруктов. Горели три толстые свечи, установленные на столе. У стола стоял Савва.

– Значит, он назвал Новгород своей отчиной? – произнёс подавленно Феофил.

– Именно, – подтвердил Савва.

– Как же быть нам? – Феофил имел крайне растерянный вид.

– Войны не избежать, – сказал Дмитрий и залпом выпил чарку хмельного напитка.

– Выдюжим ли? – усомнился архиепископ.

– Иного пути у нас нет, или тебе не дорога воля города нашего? – Дмитрий зло улыбнулся.

– Псковичи присылали послов, – сказал Фёдор Борецкий. – Москва уже договорилась с Псковом совместно вести военные действия против нас.

– Чего же хотят эти псковичи? – спросила Марфа.

– Они не хотят воевать, – сказал Фёдор. – Они хотят выступить посредниками в мирных переговорах.

– Может быть они дело говорят? – Архиепископ повернулся в сторону Саввы и сказал ему: – Ступай.

– Миру с Москвой не бывать, – сказал Дмитрий.

Весна пришла в Новгород. Только-только растаял снег во дворах и деревянных городских мостовых. В голубом небе кричали о чём-то на своём языке птицы.

На главной городской колокольне зазвонил колокол. Звон этот был знаком каждому новгородцу. Эти звуки были похожи на призыв к чему-то великому, чему-то очень важному. Услышав эти звуки, каждый новгородец чувствовал необыкновенный подъём в душе. Он знал, что он пусть и простой ремесленник или торговец, но, тем не менее – он свободный человек и он должен решать свою судьбу и своих детей. Как он решит, так и будет. Знать должна была опираться на поддержку простых новгородцев и тратила на это разные средства. Так из века в век поддерживался относительный социальный мир, изредка прерываемый разграблением бояр-богачей, как правило обвинённых в предательстве по отношению к Новгороду.

Народ потянулся к главной площади города. Новгородцы столпились у помоста. На помосте стоял Феофил, а за ним семь бояр с золотыми поясами.

– Новгородцы, из Москвы приходят дурные вести, – начал архиепископ.

– Хватит, Феофил, бормотать пустое! Знаем уже всё! – кричали из толпы.

– Хотим слышать Дмитрия! Дмитрия! Дмитрия! – Борецкие пользовались широкой поддержкой в народе.

Феофил отошёл назад. Вперёд вышел Дмитрий Борецкий. Он величаво поднял руку, показывая тем самым, что просит народ утихнуть. Толпа чуть смолкла.

– Новгородцы, вольные новгородцы, вы хотите услышать моё слово, – начал Дмитрий. – Московский князь объявил наши земли своей вотчиной. Что мы можем на это ответить? Мы можем с этим согласиться. И что тогда? Тогда не будет войны, о которой все говорят на площадях, во всех концах и во всех домах. Мир – это хорошо. Не будет нас бояр новгородских, посадников. Москва пришлёт своих дьяков и воевод-наместников. Что это значит, мы знаем от наших соседей псковичей, которые хотят дружить с Москвой. Москва постоянно присылает им своих наместников, которые грабят псковичей. То же будет и здесь. Не будет воли – будет холопство и гнёт наместников и дьяков. Это ли угодно новгородцам!?

– Не! Не люблю! – кричала толпа.

– Сколько лет новгородцы сами правили собой? Неужели теперь отдадим свою волю московским князьям и боярам?!

– Не отдадим! – кричала толпа.

– Сколько раз Новгород выгонял неугодных городу князей! Пока наконец не приучились мы жить и править собой вовсе без князей. Если хотим сохранить свою волю, нужно браться за оружие и идти биться с москвитями.

– Лучше дружить с православной Москвой, чем с латинской Литвой! – крикнули из толпы представители Плотницкого конца.

– Дорого будет стоять такая дружба, – сказал на это Дмитрий. – Придётся тогда затянуть пояса.

Москву поддерживало меньше народа. На сторонников Москвы разозлились её противники.

– Псы московские! Труссы! Предатели!

Политические народные дебаты на вечевой площади часто кончались потасовками, а то и вооружёнными столкновениями между враждующими партиями. И в этот раз вече не закончилось спокойно. Накал страстей был слишком велик. Народ проголосовал за:

– Войну! Война Москве! Постоим за наш вольный Господин Великий Новгород.

Воины из городской тысячи охраняли сторонников Москвы, провожая их до своего конца, чтобы они не подверглись расправе агрессивно настроенных новгородских патриотов. Однако и ночью, когда представители партии меньшинства, закрылись в своих дворах, разгоряченные хмельными напитками и желанием постоять насмерть за родной город, патриоты призывали выходить из своих домов и дворов сторонников Москвы криками:

– Труссы! Псы московские! Выходи на кулачный бой!

Дюжина молодцов из промосковской партии вооружившись дубинами сделала вылазку. Патриотов оказалось значительно больше. Сторонников Москвы схватили, избили и сбросили с моста в Волхов, как часто бывало в Новгороде с представителями проигравших партий.

В доме Марфы Борецкой собрался небольшой совет из близких к их семье людей. Присутствовали сыновья Марфы: Дмитрий и Фёдор, несколько знатных бояр и Василий Казимир – боярин, друг Борецких.

– Казимир вряд ли нам поможет, несмотря на все свои обещания, – сказал Дмитрий. – У него и без нас много трудностей, трудно удержать в целостности страну из таких несовместимых племён, как литовцы, русичи и поляки; а тут ещё мы.

Дмитрий ездил в посольстве в Литву для заключения союзного договора и даже породнился в Угорской земле со знатным родом Батори, женившись на представительнице этого рода Анне. Литва хотела больших уступок со стороны Новгорода. В итоге по договору Новгород получал большую автономию и фактически сохранял самоуправление. Дмитрий понимал, что такой договор Казимира не устраивал вполне, и он не особенно стремился его выполнять. Так что на военную поддержку со стороны Литвы, Борецкие не очень рассчитывали.

– А что у нас Орден? – Марфа обратилась к Василию Казимиру только что вернувшегося из Ливонского Ордена.

– Рыцари готовы поддержать Новгород, – сказал Василий.

– Успеют ли придти вовремя? – усомнился в помощи Ордена Фёдор. – И не оттолкнём ли мы переговорами с Орденом Литву?

Литва и Польша находились в состоянии конфликта с Ливонским Орденом.

– Такие дела одной военной силой не разрешить, – сказала Марфа. – Есть у меня кое-какие мысли, как ослабить московского князя. Только для исполнения моего замысла нужен очень ловкий человек, способный и хитрый.

– Что придумала, матушка? Рассказывай, – попросил Фёдор.

– Нужно написать письмо Юрию – брату Ивана. Призвать его в наши союзники, призвать на княжество новгородское, – сказала Марфа. – Ежели он пойдёт в войске Ивановом, тогда трудно будет аккуратно доставить ему письмо без лишних глаз. Гонца и схватить могут.

– Есть у меня надёжный человек – слуга Лука, доставит все, что хочешь хоть чёрту в адово пекло, – сказал Василий Казимир. – И ещё нужно будет присовокупить к письму тугой кошелёк с золотыми. Ходят слухи, что у Юрия есть долги.

Человек-государство

Слуги помогли Ивану одеть тёплый кафтан с меховой подкладкой с высоким бобровым воротником из красной толстой ткани расшитой золотистыми нитями. Иван протянул правую руку вперёд. Проворный молодой слуга надел на его указательный палец золотой перстень с красным алмазом. Слуга ловко отпрыгнул назад и тут же на его месте возник другой с посохом. Иван принял посох. В палату вошли воины-телохранители с секирами, и в их сопровождении Иван вышел на лестницу, спустился на первый этаж и прошёл к выходу из княжеского терема. Так великий князь вышел на высокое крыльцо, где уже стояли его ближние бояре Василий Китай, Иван Лыко-Оболенский и другие.

За крыльцом гомонила толпа. Впереди ближе всех к крыльцу теснились в богатых пёстрых одеждах бояре. За ними стояли дворяне. Дальше уже собрался народ попроще: купцы, ремесленники, обыватели московские и московских пригородов. К княжескому терему стянулся свободный люд московского государства.

Иван выдохнул паром.

Было ещё прохладно. В голубом небе занудно каркал ворон. Над маковками московских церквей зависли два худых облачка.

Иван огляделся кругом. Много лиц, все разные; озабоченные, сердитые, хитрые, наивные, добрые, злые... Дворцы и терема бояр. Стены Кремля и церкви. Всё это части одного целого – государства московского. Государство похоже на живой организм; оно может быть сильным или слабым, здоровым или больным. У государства есть свой особый характер, дух. У государства есть воля. И волю Москвы должен выражать великий князь Иван. В его воле воля государства; он сам как государство. Он может повести свои полки на какую-нибудь страну, может придумать новый налог, может построить новый город, может изощрённо отомстить какому-нибудь своему обидчику, может плюнуть на всё и предаться утехам и удовольствиям. Он может не слушаться бояр и наложить на кого-то из них опалу; но это опасно – на его место могут посадить другого. Впрочем бояре его устраивают; они редко дают плохие советы, они чаще знают жизнь лучше него. До самодержавия в Московской Руси осталось около века, а пока вся власть в Московии находится в руках великого князя (монарха) и бояр (аристократии), и ещё осталось немного демократии: порой прежде чем призвать народ на какое-то великое дело, следует с ним посоветоваться.

– Народ московский, – Иван сбился с мысли. Он ещё не научился говорить быстро правильные длинные речи. – Бояре, дворяне, воины, простой люд, вы сами знаете, зачем я вас призвал сюда. Наша отчина – Новгород в последнее время ведёт себя предательски по отношению ко всей русской земле. Лукавые новгородцы ведут переговоры с польским королём Казимиром о том, чтобы как можно выгоднее для себя отдаться ему и злой латинской ереси. Они пока не говорят об этом открыто. Пока они только хотят договориться о военном союзе. Они хотят платить дань. Кому? Католическим еретикам. И это русские люди? Нет. Это предатели. Они хотят предать и нашу православную веру. И тогда нам будет очень тяжело; вокруг будут одни враги: католики и татары. Я призываю вас сплотиться и постоять за общее русское дело, за православную нашу веру. Сегодня я объявляю войну Новгороду!

Народ принял речь своего правителя одобрительными криками.

Иван поклонился народу и ушёл в терем.

Он не был хорошим воином. Он был управленцем от природы. Провидение вверило в его руки Московское государство, и он был готов быть не только его господином, но и слугой его. У Ивана было необыкновенное свойство характера: он жил и мыслил государственными интересами и заботами. Это был государственный человек, человек-государство.

Если государству нужна война, значит быть войне. В разные концы Московского княжества и его уделов, а также земли и княжества послушные московскому князю, спешат гонцы с грамотами от великого князя Ивана. Иван требует собирать полки для войны с Новгородом. Через земли Новгорода в Псков прошли тайные послы Москвы. Пскову также приказано выступить против своего соседа Новгорода.

Иваном и его воеводами решено выступить на Новгород тремя направлениями. Первыми вышли полки под руководством князя Даниила Дмитриевича Холмского и боярина Фёдора Хромого. Они вышли из Москвы 6 июня и направились в сторону Русы. К ним присоединили свои полки братья Ивана Юрий Дмитриевский и Борис Волоцкий. 13 июня вышло второе войско, управляемое Иваном Васильевичем Стригой-Оболенским. Это войско двинулось в сторону Волочка (Вышнего Волочка) через земли Тверского княжества. В этом войске находились служилые татары с царевичем Данияром – татары, перешедшие на службу московскому князю. Великий князь вышел в поход с третьим войском 20 июня.

Письмо Марфы

Войско Холмского и Хромого подошло к Русе. Взять этот город штурмом было сложно, это могло стоить многих потерь. Холмский предложил обстреливать город горящими стрелами. Так и сделали. Город сгорел. Только немногие жители Русы попытались сдаться в плен, и большей частью были убиты.

Холмский и Хромой двинули своё войско дальше в сторону Новгорода. Они ехали верхом на конях впереди своих полков. У Холмского была гнедая кобыла, у Хромого серый в яблоках конь.

– Что-то не видно новгородцев, – заметил Фёдор Хромой.

– Я полагаю, мы с ними скоро встретимся, – сказал князь Холмский.

– Им выгоднее держать оборону в городе.

– Они не смогут оставить без защиты свои земли.

Даниил Холмский переехал в шестидесятые годы из отцовского удела в Тверском княжестве устраиваться на службу к московскому великому князю. Ему не хотелось прозябать в слабеющем Тверском княжестве. Он был Рюриковичем, сыном удельного князя. Отец собирался завещать ему несколько сёл, но Даниил не стал ждать получения такого наследства. Он был амбициозен. Он приехал в Москву с четырьмя рублями. Два пришлось сразу дать дьяку, чтобы его данные занесли в служилые списки. Так он оказался на княжеской службе. Служба первое время его обязывала всё время находиться в Москве. Жизнь в Москве дорогая. Деньги кончились быстро. Даниил жил в доме дворянина Фёдора Зернова, обещая платить за жильё два рубля в год. От брата из Холма пришло письмо. Брат звал обратно, но Даниил не поехал обратно. Он плохо ел, начал брать в долг. Иногда из княжеских закров ему давали продукты. Как дворянин и как князь он рассчитывал получить от великого князя земли и поселения в поместное пользование. Его поставили в очередь на получение поместья. Дьяки говорили, что пока в обороте нет свободных земель и деревень. Может быть стоило дать взятку дьяку? Денег не было. Не занимать же деньги на взятку. В Москве активно занимались ростовщицеством итальянцы. Джан Батисто делла Вольпе организовал в Москве что-то вроде банка. Он охотно давал деньги в долг знатым людям. В его должниках ходили даже представители княжеских домов и братья великого князя Ивана. Вольпе не было в Москве. Даниил пытался взять в долг у людей Вольпе, работающих в его конторе. Денег князю не дали. Даниил находился в отчаянном положении, когда стало известно о замысле похода на Казань. Бедный князь так радовался, что от счастья из глаз его текли слёзы. Он храбро проявил себя во всех походах и вернулся в Москву с небольшой добычей. Он вёл себя разумно и не заносчиво с опытными воеводами. Он пользовался их уважением и вниманием. Даниил предлагал идти в войну с Казанью до конца. У него был план, как уничтожить Казань и присоединить земли ханства к Москве. По окончании войны Даниил поправил свои дела, раздав долги, и взяв новые для строительства дома в Москве.

Полк Юрия Дмитровского двигался позади конных отрядов князя Даниила Холмского и Фёдора Хромого.

Был ясный день. Полдень. Устроили привал у небольшого озера. Позади в небо уходил дым горящих сёл. Плакали пленные женщины и дети.

– Пётр, я устроюсь здесь. – Юрий передал слуге своего белого коня у самого берега озера.

Пётр вернулся с ковром и подушкой, расстелил ковёр на земле и положил на него подушку.

Юрий снял плащ, чтобы укрыться им, как одеялом.

– Князь, к тебе с письмом какой-то воин, – подбежал молодой белобрысый слуга с красным поясом.

– Пусть несёт.

Подошёл воин: русский с окладистой бородой. Он был одет и экипирован, как большинство воинов из полка Юрия.

– Меня зовут Кузьма. У меня для тебя, княже, важное послание.

Он протянул письмо. Юрий принял его.

– И это. – Кузьма бросил тяжёлый кошелёк тут же пойманный Юрием.

Письмо было от Марфы-посадницы. Юрию предлагали перейти на сторону Новгорода, и даже стать князем новгородским. Сколько же стоит предательство? Юрий взвесил кошелёк в руке.

– Здесь сто рублей, – сказал Кузьма.

Юрий кинул кошелёк ему. Посланник поймал его.

– Ты знаешь, что я должен тебе за это отрубить голову? – Юрий смотрел в глаза Кузьме.

– Я всего лишь слуга своих господ. А о благородстве, честности и храбрости дмитровского князя полниться вся русская земля. Так неужели он – человек чести, решится пролить кровь маленького человека?

– Исчезни, лукавый.

Кузьма постарался побыстрее исполнить приказ князя.

Скоро Юрию пришла грамота от его старшего брата, велевшего ему немедленно направиться в стан великого князя.

Войско под руководством Даниила Холмского и Фёдора Хромого двигалось вдоль берега реки Коростыни. Проводники обещали через три версты брод, по которому можно было переправиться на другой берег. Впереди на берегу, по которому шло войско показались дома деревушки. Послышалось мычание коровы. Вражеское селение должно быть уничтожено: предано огню, а его жители стать пленниками.

Холмский остановил коня и поднял руку вверх. Войско остановилось.

По серой глади Коростыни плыли насады новгородцев, плыли навстречу московским полкам.

Новгородцы заметили врага и продолжили движение. Призывно затрубили трубы и рожки новгородцев. На первом насаде колыхался образ святой Софии вышитый на полотне – символ, своего рода герб Новгород, установленный, как знамя.

В московском войске на древках ветер развевал полотна с вышитыми на них ликом Спасителя и Георгием, побеждающим змея. Москвичи и их союзники замерли в ожидании команды Холмского или Хромого.

– Приготовить щиты! – скомандовал наконец Даниил Холмский.

Новгородцы остановили насады. Грянули выстрелы из ружей. Порохом ранило лошадь под Холмским, и она упала на передние копыта. Князь невредимый ловко спрыгнул на землю и вытащил из ножен кривой меч.

Со стороны московского войска в новгородцев полетели стрелы из луков и арбалетов.

– Вперёд! – крикнул Холмский и побежал навстречу врагу.

Новгородцы уже выбирались из своих насадов и бежали в атаку. Впереди бежал вихрастый русский детина без шлема в кольчуге с прямым мечом. Он замахнулся, но Холмский отпрыгнул в сторону, и меч воткнулся в землю. Холмский же ударил мечом по незащищённой шее. Несчастливый новгородский храбрец упал лицом в землю. Холмский побежал дальше. Он умело справлялся с противниками, как тигр справляется в ярости с более слабыми и не поворотливыми хищниками. Воины Москвы – дворяне, имеющие военный

опыт, побеждали новгородцев, не смотря на их отчаянное ожесточённое сопротивление. Наконец воля вольных новгородцев иссякла и те, кто мог, обратились в бегство.

Много новгородцев попало в плен.

Князь Холмский посоветовался с Фёдором Хромым и воеводами о том, как поступить с пленными, после чего приказал из пленников отобрать сотню желательных самых дерзких и заносчивых. Этим несчастливцам князь-воевода велел отрезать носы, уши и губы. Вопли калек резали слух и уносились в голубое чистое небо. Пленные новгородцы наблюдали за этой казнью. Многие дрожали от страха; кто-то плакал; один уже седой мужчина упал на колени и устремил взгляд в небо.

– Господи, за что!? – произнёс он.

В его голубых цвета неба глазах блеснули слёзы.

Калек пустили в Новгород, чтобы зрелищем своим они навели страх на своих строптивых сограждан.

С другой стороны Коростыни на подмогу поверженным новгородцам шло ещё одно войско из Новгорода. Они опоздали.

Холмский разбил и эти новгородские полки.

Победа князя Холмского над новгородцами на Коростыне была ошеломительной. Его гонцы спешили к великому князю с радостной вестью, и для получения распоряжений о дальнейших действиях.

Холмский предполагал вести войска на соединение с полками великого князя, но Иван отдал приказ идти ему на соединение с войском псковичей, которые должны были начать вторжение в земли Новгорода.

Шелонь

Холмский двинул свои войска на север на соединение с псковичами.

10 июля псковичи вторглись в земли Великого Новгорода. Десятитысяное войско вели псковский посадник Тимофей Власьевич и сын московского наместника Василий Фёдорович Шуйский. Псковичи не щадили подданных вольного Новгорода. Летописи сохранили свидетельства об убийствах мирных жителей, о сожжении несчастных в храмах.

Навстречу псковской рати выдвинулось большое войско новгородцев, возглавляемое Василием Казимиром и Дмитрием Борецким. В этом войске было около сорока тысяч воинов.

Даниил Холмский вёл своё войско правым берегом реки Шелони, и неожиданно заметил на другом берегу войско новгородцев. Новгородцы также заметили москвичей. Они остановились. От войска новгородцев отделилось пять всадников. Они несколько приблизились к реке, рассматривая москвичей.

– Смотри сколько их много, – обратился к Холмскому Фёдор Хромой.

– Вижу, – сказал Холмский. – Будем устраивать здесь стан.

Новгородцы также устроили стан в поле в версте от стана москвичей. Их разделяла река Шелонь. Это было 13 июля 1471 года.

Наступили сумерки. Зажгли костры. Дмитрий Борецкий сидел перед костром рядом с другим предводителем новгородского войска Василием Казимиром. Тут же находились воеводы, командующие полками новгородцев.

– Нас больше, – говорил Дмитрий Борецкий. – Но Холмский везде нас побеждает, с ним будет трудно биться. Он яростен, как лев и ловок, как кот. Нам нужна какая-то хитрость, чтобы одолеть его.

– Я полагаю нам не стоит переходить реку, – сказал Василий Казимир.

– Москвичи тоже не торопятся её переходить.

– Пусть река станет нашей защитной стеной.

– Так мы можем стоять хоть неделю, а тем временем сожгут и поубивают много наших людей.

– И то верно. Но мне кажется слишком опасным переправляться через реку.

– Мы сделаем так. Пусть два полка ночью перейдут реку и ударят по москвичам с боку.

– Это мудрая мысль. Нужно будет, чтобы они всё сделали не заметно.

– На это вся наша надежда. И ещё я послал гонца, чтобы он поторопил войско архиепископа, которое отстало от нас.

Холмский в это время тоже не спал. Он отвёл своё войско от реки на небольшой пригорок. Он сидел у костра около шатра из яркой красной ткани Фёдора Хромого. Сам Холмский предпочитал аскетизм во время походов. Он спал под открытым небом, подложив под голову седло и укрывшись шкурой будто кочевник-монгол.

– Скорее всего новгородцы попытаются воспользоваться преимуществом в количестве и попытаются где-нибудь нас обойти ночью, – сказал Холмский.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.